

Он не понимал. Он никогда не мог понять Оу Шаовэня. Порой тот всем сердцем стремился угодить другим, ставя себя в униженное положение, а иногда в нём проявлялась леденящая холодность, будто весь мир был ему безразличен.

— Те люди завтра умрут от болезни, но я их не знаю. Однако тетушка Чжоу и дядюшка Ли хорошо ко мне относятся, и я, конечно, должен их отблагодарить. Я хочу отблагодарить и тебя, но разве ты не сказал, что не хочешь подарков? — Голос Оу Шаовэня оставался ровным и спокойным, но Оу Жэньцзинь чувствовал, как голова начинает раскалываться от раздражения.

Раздражения, которое становилось всё сильнее!

Благодарность? Этот человек так настойчиво говорит о подарках, потому что думает о благодарности?

— Да, мне не нужны твои подарки, как и тетушке Чжоу с дядюшкой Ли.

Оу Шаовэнь приподнял бровь, с недоумением глядя на него.

— Но ты не они, откуда ты знаешь, что им не нужно?

Оу Жэньцзинь с трудом сдерживал свои эмоции, чувствуя, как его маска вежливости и заботы вот-вот рассыплется на глазах.

— А ты думаешь, почему они так хорошо к тебе относятся? Потому что ты — это ты? Нет, потому что ты тот, кого я привёл с собой. Они работают на меня, получают мою зарплату, выполняют мои поручения и заботятся о тех, кого я им поручил. Вот и всё.

Его лицо оставалось холодным, а в словах явно сквозило желание разрушить что-то.

Оу Шаовэнь на мгновение замолчал, глядя на слегка нахмуренный лоб Оу Жэньцзиня, понимая, что снова вызвал его раздражение. В последнее время Оу Жэньцзинь, кажется, постоянно злился из-за него. Он не мог принести ему радость, только раз за разом разрушал его и без того хрупкое спокойствие.

С этими мыслями он прямо спросил:

— Ты меня не любишь, да? Что бы я ни делал, тебе это не нравится. Тебе не нравится, когда я много говорю, не нравится, когда я дарю тебе подарки. Я не могу сделать для тебя ничего, что бы тебя порадовало, не могу заработать для тебя деньги, каждый день только принимаю твою доброту и ту радость, которую ты мне даришь. Ты поручил тетушке Чжоу и дядюшке Ли заботиться обо мне, а я только трачу твои деньги, ем, пью и иногда доставляю тебе хлопоты. Так почему... почему ты оставил меня? Если моё существование не приносит тебе радости, зачем тогда позволять мне существовать?

Некоторые мысли Оу Шаовэня быстро менялись под влиянием внешних обстоятельств, но другие, за годы повторяющихся событий, глубоко укоренились в его сознании, став частью его личности. Самым непоколебимым из них было убеждение — если ты не можешь создавать ценность, то и существование не имеет смысла.

Как и те знания, которые он когда-то изучал. Поскольку они не могли принести пользу, не было смысла продолжать их изучать.

Каждое утро, просыпаясь в мягкой и уютной постели, он задавался этим вопросом: почему?

Почему Оу Жэньцинъ оставил его рядом с собой? Что он может для него сделать, какую ценность может принести?

Глядя в глаза Оу Жэньцинъ, он вдруг почувствовал острое желание поскорее сделать операцию. Ведь это и было его предназначение, единственное, что он мог сделать для Оу Жэньцинъ. Этот человек был слишком добр к нему, настолько, что он начал чувствовать себя человеком, а не вещью. Будучи человеком, он испытывал человеческие желания, радость и печаль. Прожив такую счастливую и спокойную жизнь, сможет ли он вернуться к прежним дням, похожим на существование инструмента, и продолжать жить как раньше?

Голос Оу Шаовэня был спокоен, словно он просто констатировал факт, а не выражал обиду.

Оу Жэньцинъ, глядя в его глубокие, как древний пруд, глаза, вдруг осознал свою неправоту. Он мог мириться со странными привычками и капризами своих любовников, всегда был мягким, уступчивым и галантным в их присутствии. Он хорошо относился ко всем, кроме него.

Он носил его фамилию, имя, которое он ему дал. Он был наивен, и только он мог вести его, знакомя с миром. У него не было опоры, кроме его защиты. Возможно, именно поэтому он подсознательно считал его слишком лёгкой мишенью?

Как будто его можно обижать без последствий.

— Кто сказал, что я тебя не люблю? — Успокоившись, он снова стал тем человеком, который с улыбкой говорил нежные слова. — Я тебя люблю.

Вспоминая длинный монолог Оу Шаовэня, он вдруг почувствовал смесь смешного и неожиданной жалости. Ему казалось, что он понимает, что тот чувствовал, произнося эти слова.

— Тот, кто тебя любит, не нуждается в подарках, чтобы продолжать любить тебя. Эмоции, которые заставляют помнить о человеке, не ограничиваются только радостью. Чувства сложны, — он говорил, словно вёл его через мост, с намёком в голосе. — Я злюсь на тебя, потому что люблю тебя. Иначе ты был бы просто незнакомцем, который не может вызвать у меня эмоций. И кто сказал, что ты не можешь приносить мне радость? Много раз, просто думая о тебе, я не могу удержаться от улыбки, но ты этого не знаешь.

Оу Жэньцинъ почувствовал, что в этой новой игре он был недостаточно вовлечён, раз позволил бедняжке задать вопрос: «Ты меня не любишь, да?» Это была его ошибка.

Оу Шаовэнь впервые в жизни услышал такие слова. Он не понимал, что с ним происходит, чувствуя, как мозг пустеет, сердце начинает биться быстрее, а глаза не могут оторваться от Оу Жэньцинъ. Как могут существовать слова, которые вызывают такую радость? Как этот человек может так легко и естественно произносить их?

Он сам бы так никогда не смог.

Когда Оу Жэньцинъ взял его за руку и повёл к вилле, голова его ещё кружилась. Оу Жэньцинъ при тетушке Чжоу рассказал о его милых и наивных мыслях.

— Этот парень сегодня на шоу выиграл сто тысяч юаней. Все остальные звёзды пожертвовали свои деньги, а он наотрез отказался. На вопрос, зачем, ответил, что хочет оставить деньги, чтобы купить тебе и дядюшке Ли нефрит и машину!

— Ах, этот ребёнок, какой же он глупенький! — Тетушка Чжоу, хотя и говорила с упрёком, улыбалась до ушей. — Твои деньги ты должен оставлять себе, зачем ты всё время хочешь их отдавать? Мой нефрит купит мне дочь, дядюшке Ли твои деньги тоже не нужны. Ты должен заботиться о себе, такой маленький, а уже такой щедрый.

— Слышал? — Оу Жэньцзинь повернулся к нему и похлопал по голове. — Я их босс, и я сам позабочусь о благополучии своих сотрудников, тебе не нужно об этом беспокоиться.

— Понял. — Он медленно кивнул.

— Тетушка Чжоу, приготовь мою комнату, сегодня я останусь.

— Ах, хорошо! — Тетушка Чжоу на мгновение замерла, затем быстро кивнула. Мистер Оу уже давно не оставался здесь на ночь. Этот мальчик Шаовэнь действительно вызывает такую нежность, как же он может быть таким милым? Неудивительно, что мистер Оу его любит. Если бы у неё был такой сын, она бы, наверное, смеялась во сне.

Оу Шаовэнь повернулся к нему и вдруг сделал два шага вперёд, обняв его.

— Что случилось? — Оу Жэньцзинь усмехнулся.

Он ничего не сказал, только покачал головой, долго собираясь с мыслями, и наконец заговорил.

— Я тоже тебя люблю. Очень-очень сильно. Каждый раз, когда думаю о тебе, не могу удержаться от улыбки.

Он изо всех сил старался добавить то, что Оу Жэньцзинь не говорил.

— Я хочу быть очень хорошим для тебя, хочу сделать для тебя всё, что смогу, хочу дать тебе всё, что ты захочешь, хочу... — Он понизил голос, шепча ему на ухо, — хочу вырезать своё сердце и подарить его тебе.

Тело Оу Жэньцзиня на мгновение застыло, голос Оу Шаовэня, казалось, проник через уши прямо в сердце. Он замер, затем опустил взгляд и тихо сказал:

— Если ты отдашь мне своё сердце, у тебя его не будет. Что тогда делать?

— Ничего, оно снова вырастет. — Голос Оу Шаовэня звучал радостно, с ноткой гордости. — Очень быстро вырастет, примерно... через два месяца? И тогда у меня снова будет целое сердце.

Всё ещё ребёнок, такие наивные и сладкие слова.

Не зная, с какими чувствами, он ответил на эти сладкие речи.

— Хорошо, я буду ждать, когда ты вырежешь своё сердце и подаришь его мне.